

Маленькое зеркало

рождественская история

Вот уже несколько лет наш каждое наше «Рождество» заканчивается счастливо — рождественской историей **Людмилы Петрушевской**. Эту праздничную традицию мы оберегаем очень ревниво, и автор щедро и неизменно предоставляет нам такую возможность.

В витрине магазина было много зеркал — одно огромное, в резной дубовой раме невиданной красоты, затем десять средних овальных, каждое из которых могло служить прекрасным портретом для прохожих (вообще-то какова морда, таково и изображение; могли бы возникнуть трагедии, думали зеркала — однако все без исключения граждане приостанавливались и любовались на себя, никто не отворачивался и не плевался при виде собственного отражения).

И наконец, в витрине помещались девятнадцать штук зеркал разнокалиберных, в том числе и самое маленькое, квадратное, которое пристроилось в глубине и, собственно говоря, его никто из проходящих не видел. Зачем его туда поставили, вообще было непонятно. То сам пойд вопросом оказывался счаст смысл существования такого предмета на витрине!

Ведь оно было простое, темноватое, и даже слухи ходили, что изнанка у него оловянная! Остальные-то зеркала просто красовались перед прохожими — плоские и слегка выпуклые по краям, выпуклые и впалые, горбатые и венецианские, с узорчатой стеклянной рамой. Самое главное вообще называлось «Псише»!

Иони не продавались. Трудно сказать, то ли хозяйн магазина особенно любил эти отражающие поверхности, то ли попросту хотел привлечь внимание к магазину в целях рекламы — но они стояли на витрине только для вида. А может быть, дело было в другом.

Поговаривали, что старый владелец — просто обедневший брат короля и перед тем как покинуть родовой замок, он собрал все что в нем было и открыл свою лавочку здесь, в городе, мало ли, а вдруг кто-нибудь соберется что-нибудь купить!

А зеркала он вывесил наружи, чтобы в них не смотреться. Может быть, ему не хотелось себя видеть.

Во всяком случае, все наличные зеркала располагались именно снаружи.

На вопрос, почему они там стоят, хозяин отвечал строго и преувеличенно любезно:

— Оформление витрины.

Как будто хранил некоторую тайну.

Единственная сотрудница хозяйина, дальняя тетка, солидная дама по прозвищу Кувшина, раз в неделю посещала сообщество зеркал. У тетушки Кувшини имелись в хозяйстве щетки, тряпки и бутылочка со специальной жидкостью (как пептальник в магазине, это был эликсир для протирки бриллиантов).

Итак, прохожие тормозили на бегу и засматривались в зеркала. Главное показывало зрителя целиком, средние по частям, то есть бист до макушки или центральную часть туловища, а маленькие вообще вразнобой, кто что ухватит — пуговицу, карман, большой палец. Ухо кошки. Расстопренную воронью лапу, промелькнувшую перед приземлением. Дребедень, короче.

В целом это было похоже на картину художника-авангардиста. Пикассо бы позавидовал такому хрустально-чистому, подробному, лучезарному и раздробленному на грани изображению. Бриллиант, а не витрина!

Всякое зеркало в ней имело свое точное место — от самого ничтожного, того самого, маленького и квадратного, которое пристроилось в глубине неизвестно зачем, до центрального, завитого как парик, в амурах и венках, стоящего слева по центру.

Хозяин строго следил насчет еженедельных протирок, а по поводу самого маленького предупреждал об осторожности, чтобы с места не сдвигать! Но в витрине царили свои порядки, свои мерки и законы. Все равно что в семье.

Дело в том, что когда нас одевают наши близкие и родствене, одноклассники и соседи, то vicinity никто никогда и не заподозрит, что имеет дело с выдающейся личностью! А то такую личность и локтем толкнут.

Только иногда и издадека доносился весточка о том, что,

оказывается, ваш дальний троюродный дед известен всему миру как автор книги о супах или создатель теории брюк! А в семье его презирали, держали на старом диванчике и попрекали за дневной храм.

Так и в нашем случае — тусклое маленькое зеркало почему-то очень заботило хозяйина, а сотоварищи по витрине дружно считали этот стеклянный квадратик ничтожеством, мелким и упрямым.

Что бы тебе немного не подвинуться, тогда Второе Слева трюмо разместится не под углом, а прямо!

Но Маленькое упорно стояло на своем месте.

Ну и стой. Не обращайте на него внимания.

В витрине господствовало, кстати, такое мнение: ничего не принимать близко к сердцу, все провозжать лишь беглым взором, проводил — встречай следующею, но ни на чем не останавливайся! Это вредно для отражающей поверхности. Слишком много информации.

И то сказать — мелькая велосипеды, собачи, машины, дальние облака, дождевые потоки, вихри снега, воцарялись туманы. Мимо шмыгали школьники, неторопливо проходящие люди в форме, долго громыкали мимоуборочные комбайны. Ползли, обращая на витрину робкое внимание, старушки. Тормозила молодежь, взбивая или затягивая то, что у них было в данный момент на голове. Дамы задерживались, вертелись, якобы интересуясь выставленными антикварными объектами.

Происходили ночи, каждая в своем блеске фонарей, рекламных огней и еле заметных звезд, наступали прекрасные рассветы, особенно глубоким летом, и это были настоящие спектакли — от черного бархата к синеве, к лиловой мгле и затем к сияющим розам.

Что говорить, мир, отражаемый зеркалами, был прекрасен! Но эти пустые стекла — они ничего не запоминали, еще новости.

Маленькое зеркало в углу тоже получало свою долю света и тьмы, в нем мелькали клочки, блистки и детали нижней части жизни — сверкающий обод велосипедного колеса, качающаяся, надутые диние сумки, порхнувшая из рук газета, быстрые каблучки, тяжело прыгающий резиновый колпачок костыля. И то хорошо.

Мало, видимо, ему было надо.

Тем не менее какая-то тайна заключалась в том, что хозяин берег это ничтожество и каждый раз предостерегал Кувшинню, чтобы она аккуратно обращалась именно с данным объектом. Ни в коем случае чтобы ничего не стярлось с тем в углу, с тем маленьким! И он даже несколько раз лично протирал его, как глазик ребенка, поджавши губы от усердия и заботливо ссрючив руку. А Кувшина покачивала головой: не беритесь за эту работу, ой не надо. Не для принцип это занятие.

Ясное дело, что толстая Кувшиния не очень любила данный мелкий предмет. Пшикнет жидкостью из флакончика, а протрет кое-как, и зеркальце иногда слепо на неделю, особенно если хозяин уезжал по делам.

Но он возвращался и первым делом останавливался перед витриной, проверял, как протерто и блестит ли содержимое его витрины — особенно то, зеркальце заднего вида. И Кувшиня получала выговор и лезла протирать заново новоявленное сокровище, при этом она шептала что-то, пыхтя. Ей, понятное дело, было тяжело — аристократке и просвещенно-му человеку да заниматься уборкой! (Прежним королям она вроде бы приходилось десятиродной кузиной.)

Конечно, среди обитателей витрины ходили всякие предположения.

Народ поговаривал, что Маленькое з. — это явно осколок какого-то большого и очень ценного зеркала. Может быть, царского? И что хозяин явно хочет его продать за большие денежки. То есть мало ли что в нем отражается. Царицы, царевны! Убийства, мало ли.

Иначе что беречь такую мелочь!

Спрашивали Маленькое з. Оно не возражало, но и не говорило ничего конкретного. Напускало туману. Гордое слишком!

А то у кого-то рождалось мнение, что у него есть какие-то свойства. Что оно якобы древнее и, грубо говоря, волшебное. Магическое?

И не раз все население витрины приступало к нему с вопросом: да или нет. Однажды получилось ответ «Да».

— Да??

А в чем заключается, осторожно стали спрашивать дальше. В чем?

Ответа все не было.

Малому гордцу присвоили прозвище «Гений», в шутовой форме, конечно.

— Эй ты, гений! Опять ни шу-та не видишь? Не помыли тебя? — Ах оставьте его, он гений! Как он отразил резиновый сапог!

— Он у нас по подробностям. О, о, прославь собачий хвост! Смотри, пакет с мусором понесли! Это твоя тема! И так далее.

Но однажды из угла витрины донеслось что-то.

— Але, мы не слышим! Повтори, гений!

Он проговорил что-то типа «Я могу остановить».

«Можеш остановить что?» — последовал законный вопрос.

«То, что надвигается», — проследстело из угла.

«Ну и что?»

«! Тогда я погибну», — тихо сказал этот гений.

Гибели боялись они все, и каждый знал, что зеркала умирают. Пятнышко, второе, темная полоска — и дело пропало. Все они при этом предчувствовали чужую кончину (и ревниво следили за приметам) — однако совершенно не верили в свою.

Поэтому они развеселились и дружно сказали то, что обычно говорят в ответ на такие заявления:

— Ты еще всех нас переживешь!

— Маленькое живучей большего, — вздохнуло Среднее зеркало, которое претендовало на первенство, потому что было без единого изъяна и считало, что рама еще не значит ничего.

— Да ну! Гений, не бойся, тебе сделают новую амальгаму! И вперед по кочкам! — сказала одно Среднее з. с пятнышком, которое верило в оживление с помощью операции.

Большое з. трагически молчало. У него имелась уже темная полоска. Но оно надеялось на свою прекрасную раму и на то, что мы достойны реставрации в первую очередь.

— Да нам всем тут без исключения должны сделать новую амальгаму! — сказала оно наконец.

— Да, и тогда нас наконец купят! — вырвалось у Среднего з. с пятнышком.

(Витрина подозревала, что никто и никогда не интересовался ценой на зеркала, потому что они все были старые. Старое никому не нужно! Сей-час мода на новое!) — Да некоторым и новое покрытие не поможет, — проскретжало одно кривоватое зеркало по прозвищу Дядя Свист.

Все довольно посмеялись, имея в виду самого Дядю Свиста, и замолчали, отражая мокрую ночную мостовую, сверкающие лужи, мелкие снежинки и темные дома.

Зеркала, разумеется, чувствовали, что если бы не хозяин, никто бы и не поглядел в их сторону. Это только он обожал старые вещи, свою коллекцию древностей. И он ценил именно знаки времени, муть, пятна, царапины.

Еще бы, это ведь были следы жизни его предков-королей!

Но он один был таковский, подслеповатый чулак.

И у него не было денег на реставрацию. Видимо, поэтому он не раз говорил, что в старой вещи все должно быть подлинно.

Поскольку некоторые покупатели отдавали вещи в реставрацию — купленные темные картины, фарфоровые кукол с сомнительно подпарапанным цветом лица и со слегка побитыми носами, потеряту мебель.

Такая была мода, улучшать. Чтобы было старое, но новое. А хозяева города вообще не церемонились с древними домами и сносили все подряд.

Все выходило из рук ремонтников в возмутительно новеньком виде, якобы старые здания с пластиковыми скульптурами, блестящие светлые, как облитые клеем картины, куклы с абсолютно розовыми лицами в цветущем состоянии, чисто как витринные манекены.

Это была трагедия, которую могло исправить только время в виде трехсот последующих лет. Или немедленное землетрясение (или приезд на дачу на летние каникулы пятерых внуков с друзьями).

Но мы еще не сказали о главной любви зеркал.

Рыжая Крошка была внучкой хозяйина. Ее еще звали Маленькая Принцесса. Родители ее, врачи, трудились в дубрах Африки, а девочка жила с дедом. Она бегала в школу, трудолюбиво ходила в музыкалку со скрипочкой и огромной папкой — и каждый раз мимо витрины. Зеркала любовно повторяли ее золотой шлем, машущие веера розовых пальчиков, блеск синих глаз.

— У нас, когда я жил у старых хозяев, у королей, был огромный сад, — говаривал Дядя Свист, любовно провозжая всей своей поверхностью вихрь по имени Рыжая Крошка, — и этот сад было видно в окно. Там зрела малина.

— Ну и что ты этим хочешь сказать? Две логики? — вопрошало придирчивое Кривоватое зеркало.

— У нее рот как ягода, вы об-ратили внимание? Как три года малины.

— Ну ты поэт, Свист! — хихикало Кривоватое з. — Любви-бись?

—У меня нет души, — серьезно отвечал Дядя Свист. — А то бы да.

Вообще зеркала все любили Рыжую Крошку, но страсти достигли накала в особенност в тот момент, когда она выпросила у деда одно старое венецианское зеркало и его долго снимали с крюка, переполошили всю витрину, оно плакало от счастья, запотело. Его провозжали обими криками зависти, которые звучали как «Ну, старик, поздравляю!» и «Мы тебя даже всегда, имей в виду!». Последнее на-путствие было такое: «Когда разобьешься, все равно возвращайся, склеим!».

Венецианка унесла наверх, в прекрасную домашнюю жизнь, отражая принцессу, Рыжую Крошку, тся своими темными кудрями.

На ней была клетчатая школьная юбка, короткий пиджачок и новые огромные ботинки, которые делали ее похожей на длинноногого муху.

— Нет, я был далеко.

— Хотя да, если бы ты там был. Тебе что-то вообще удавалось?

— Не думаю. Не уверен.

— Ты не хочешь говорить. Да?

Молчание было в ответ.

— Конечно, если тебе удавалось кого-то спасти, то спасенные так и не узнали, что им угрожало. Погоди, но ведь ты тоже должен был бы погибнуть?

— Примерно так, — еле слышно откликнулся Гений.

— Но ты здесь. Значит, ты никого не спас.

Что-то неразборчивое проследело в углу.

— Что ты сказал? Меньше? — переспросил Дядя Свист. — Ты становишься меньше?

Гений не отвечал.

— Мы зеркала, — произнесло Псише как заклинание. — Мы отражаем, и мы ничего не пропускаем внутрь. Мы ни на что не реагируем.

Прощел бездомный старик с большими сумками. Он еле волок свои истонченные ноги.

Зеркала подробно его проводили к ближайшей помойке и отпустили с миром.

— Маленькое трусливенькое, — сказал Дядя Свист неизвестно кому.

Вскоре началось представление под названием «Восход солнца», и вся сияющая компания за стеклом витрины дружно отразивала это событие, чтобы затем провести сеанс под названием «Утро городской улицы».

—О, если бы мы могли записывать все что видим, — мечтательно произнесло Кривоватое зеркало, — а затем воспроизводить запись. Как это было бы полезно!

— Никто ничего не заметил.

— Я, — ответил из угла Гений, хотя его никто не спрашивал.

— Ему видно все, — откликнулся Дядя Свист. — Но частями.

— Ты тоже ничего не видел, — повторило Псише. — Понятно?

Все помолчали.

— А что, что-то произошло? Случилось? — вмешалось Кривоватое з.

Средние заверили, что ничего.

Гений сказал:

— Это прошло одиночество.

Я его знаю триста лет.

— Да, — подкакнул Дядя Свист. — Прошла гибель.

Гений тихо продолжал:

— Оно вышло на охоту.

— Я боюсь, — сказала Среднее з. с пятнышком.

— Оно охотится за живым существом, не бойся. — Отметим Дядя Свист. — Мы неживые.

— Мы не мертвые, — откликнулось Псише, — но нас это не касается никак. Мы ничего не принимаем во внимание.

Дядя Свист помолчал и вдруг заволавшись, чего с ним раньше не было:

— Сто лет назад оно вырало ребенка. Знамените исчезновение девочки. Судили невинного прохожего и казнили.

Мои хозяева оставили газету на столе. Я выселю против окна и все отражало. Я могло бы быть свидетелем, но мы не храним отпечатки.

— Не надо, не надо об этом, — залепетали зеркала.

Дядя Свист продолжал:

— Девочка шла по улице с няней, одиночество пролетело. Ребенок исчез навсегда. Няню тоже судили и отправили на каторгу. Хозяева потом говорили, что няня сама умерла.

— А что ему надо? — спросило Среднее с пятнышком.

— Ему нужно самое лучшее.

Оно то, что берет навеки и никогда уже не отдает.

— У него много имен, — откликнулся Гений.

— Зависит к живому, — пояснил Дядя Свист.

— Смерть? — бесстрастно спросило Кривое з. с пятнышком.

— У него много имен, тебе сказано, — повторил Дядя Свист.

— Мы не должны ничего запоминать, — громко произнесло Псише, — Нас ничего не касается! — Дядя Свист, мало тебе одного пятна?

Но Дядю Свиста было уже не остановить:

— Ты, гений, я что-то слышал о тебе.

— Да, — откликнулись из угла.

— Я слышал о тебе примерно в то же время. Что только ты один мог. В тот самый момент.

— Да, — прозвучало снова.

— А где ты был?

— Меня отдали в ремонт и положили лицом вниз.

— Понятно, — задумчиво сказал Дядя Свист. — Погоди. Ты был на «Титанике»? Когда одиночество налетело на корабль?

— Нет, я был далеко.

— Хотя да, если бы ты там был. Тебе что-то вообще удавалось?

— Не думаю. Не уверен.

— Ты не хочешь говорить. Да?

Молчание было в ответ.

— Конечно, если тебе удавалось кого-то спасти, то спасенные так и не узнали, что им угрожало. Погоди, но ведь ты тоже должен был бы погибнуть?

— Примерно так, — еле слышно откликнулся Гений.

— Но ты здесь. Значит, ты никого не спас.

Что-то неразборчивое проследело в углу.

— Что ты сказал? Меньше? — переспросил Дядя Свист. — Ты становишься меньше?

Гений не отвечал.

— Мы зеркала, — произнесло Псише как заклинание. — Мы отражаем, и мы ничего не пропускаем внутрь. Мы ни на что не реагируем.

Прощел бездомный старик с большими сумками. Он еле волок свои истонченные ноги.

Зеркала подробно его проводили к ближайшей помойке и отпустили с миром.

— Маленькое трусливенькое, — сказал Дядя Свист неизвестно кому.

Вскоре началось представление под названием «Восход солнца», и вся сияющая компания за стеклом витрины дружно отразивала это событие, чтобы затем провести сеанс под названием «Утро городской улицы».

—О, если бы мы могли записывать все что видим, — мечтательно произнесло Кривоватое зеркало, — а затем воспроизводить запись. Как это было бы полезно!

— Никто ничего не заметил.

— Я, — ответил из угла Гений, хотя его никто не спрашивал.

— Ему видно все, — откликнулся Дядя Свист. — Но частями.

— Это юмор, или ты не соображаешь? — возразило Кривоватое, — это мой тип отношения к жизни. Я все вижу слегка не так. А вот большое зеркало — оно очерняет действительность. У него темные пятна! А гений вообще ничтожество, у него и собственного взгляда нет.

И потекло обычное заседание Отражателей Реальности, перекрестные обвинения, слово для защиты, попытка примирить стороны. Но внешне все выглядело очень достойно — зеркальный блеск, движенье улицы, повторенное до тридцати раз, никому нет отказа, каждый прохожий имеет право видеть себя, а для цветных эффектов мимо проезжают разнообразно окрашенные машины.

И вдруг все прекратилось. Зеркала временно ослепли, изображения на них смазались, стерлись, превратились в ничто. Никто этого не заметил, кроме самих зеркал.

Псише сказала:

— Оно ищет.

Кривоватое з. оскорбленное всем предыдущим разговором, лягнуло:

— Оно ищет, наверное, Рыжую Крошку.

—Ты! — прикрикнул на него Дядя Свист, но было уже поздно. Невидимое придвинулось. Снова как вазелином мазнули по стеклу. Потом все восстановилось. То невидимое, что уничтожало изображение в зеркалах, оно не могло, как видно, долго стоять на месте.

Стало быть, начались новые времена.

В округе шныряло голодное Одиночество, и нельзя было вслух произносить имени Рыжей.

Все обрушились на Кривоватое зеркало, которое от обиды хихикало и притворялось дураком.

— А пчу? А пчему нельзя ее называть? А если я хочу? У нас свобода слова! Террористы вы! Пока наконец Дядя Свист не сказал:

— Оставьте его в покое. Кривое не такое дурное как кажется.

— Прям, — на последнем взлете гордости возразило Кривое, однако замолкло наглухо.

— Оно караулит, оно караулит, — все равно шепстели ему зеркала. — Не надо, не надо было произносить.

Кривое наконец запотело и потекло слезами.

И тут, в самый разгар трагедии, из дверей магазина высочила Рыжая Крошка, тся своими темными кудрями. На ней была клетчатая школьная юбка, короткий пиджачок и новые огромные ботинки, которые делали ее похожей на длинноногого муху.

Псише с удовольствием повторило это незабываемый опыт в полный рост (Рыжая Крошка всегда охотно ему позировала), а остальная зеркальный хор подхватил сюжет, и его участники воспели кто что мог — кто подошвы, кто пиджак, кто скрипку, разложив ее на десять траней.

Гению обычно доставалось откликнуться на нижнюю часть панки для нот — но на сей раз только край юбочки трепыхнулся в нем и исчез.

Крошка помахала леду сквозь витрину (целые россыпи розовых вееров отразились в зеркалах) и помчалась со своей скрипкой в школу.

От волнения зеркала немного дрожали (или это прогрохотало мимо очередной мусороборочный танк).

И тут опять наступила слепота, которая длилась мгновение.

Это Одиночество просквозило мимо в своих жадных поисках.

Оно имело возможность найти жертву в любом месте, в том числе и здесь — и витрина ничего не смогла бы с этим поделать, однако зеркала трепетали. Кривое з. плакало уже откровенно (жалело себя).